V. Chekhov

ПОКА МЫ СПАЛИ

V.Chekhov

Пока мы спали

«Автор»
2026

V.Chekhov

Пока мы спали / V.Chekhov — «Автор», 2026

Андрей Себрюгин не собирался подписывать акт приёмки. На испытаниях три беспилотника бросили колонну и замерли над пустым полем. Прежде чем выпускать систему за пределы полигона, Андрей хотел понять, что они там делали. Теперь система работает на двух предприятиях. В акте стоит его подпись. Коллега помнит их разговор. Сам Андрей из тех восемнадцати минут не помнит ничего.Его дочь Анна исследует, можно ли использовать для вычислений человеческий мозг, пока человек спит. Один из добровольцев присылает ей фотографию деревянной столешницы. Узор он собрал по памяти. Странно другое: Михаил говорит, что видит рисунок целиком, даже те его части, которые должны быть скрыты друг за другом.Анне хочется рассказать об этом отцу. Только тогда придётся признаться, что она тоже уже шесть недель засыпает с включённым прибором. А после последнего сеанса ей самой нужен человек, который поверит её памяти.

© V.Chekhov, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Повторное предложение 5
Глава 2. У изголовья 11
Глава 3. Общий такт 17
Глава 4. Знакомое 24
Глава 5. Право знать 29
Конец ознакомительного фрагмента. 36

V.Chekhov
Пока мы спали

Глава 1. Повторное предложение

За сорок секунд до конца испытания три беспилотника бросили колонну.

Они ушли одновременно, без разгона, как будто им давно сказали, куда и когда, и они просто дождались срока. Андрей увидел это раньше Дениса — краем глаза, по тому, как на общей карте разом поменяли цвет три значка, — и первое, что он почувствовал, была не тревога, а обида. Глупая, детская: так хорошо шли.

— Э, — сказал Денис. — Куда?

На большом экране шесть машин тянулись по узкой дороге между соснами. По обочинам трусили две робособаки, аккуратно переступая через корни. Камера уходящего дрона ещё секунду показывала замыкающий фургон — серую крышу, запотевшее заднее стекло. Потом дорога ушла из кадра и осталось только поле. Белёсая трава, бетонный блок, пластиковая бутылка. Ничего.

В машинах никого не было, Андрей сам проверял. Испытывали интеллект, который должен был выводить технику из опасного района: находить объезды, договариваться, подстраховывать. Дроны смотрели сверху, собаки заглядывали туда, куда сверху не заглянешь, — под навесы, вдоль стен. Условные препятствия изображали завалы. Настоящий пожар изображать не требовалось: про него все и так помнили.

— Кто их заменит? — спросил Андрей.

Денис подался к экрану. Русые волосы торчали на затылке, на подбородке темнела двухдневная щетина; ему было немного за тридцать, и обычно он первым находил, над чем посмеяться, когда что-нибудь шло не так. Сейчас он молчал и шевелил губами. Андрей знал эту привычку: Денис Лапин считал вслух, когда ему не нравилось то, что он видит.

— Некому, — сказал Денис. — Остальные в деле.

Головная машина притормозила перед развилкой, запросила подтверждение. Два оставшихся разведчика разошлись по направлениям, третий держал связь с хвостом. Колонна шла, но шла медленнее, чем могла бы.

Двадцать восемь секунд.

— Вернуть? — Денис положил пальцы на клавиши и посмотрел на него снизу вверх. Ему очень хотелось услышать «да».

Андрей не отрывал глаз от трёх расходящихся точек. Система ещё могла опомниться сама — он видел такое десятки раз, когда она пробовала лишнее и через несколько секунд отказывалась от попытки. Ему хотелось, чтобы она опомнилась. Чтобы при Гордееве, сегодня, она сделала это сама.

— Пока нет.

Первый аппарат завис над полем. Второй — у кромки берёз. Третий — над углом старого склада. Они остановились почти разом и больше не двигались.

Головная машина наконец свернула. За ней пошли остальные. Тяжёлый фургон только начинал поворот, когда счётчик обнулился.

Денис поставил паузу. Замигали аварийки. Собаки замерли на обочинах, одна — с поднятой лапой.

За окном мокрая ветка скребла по стеклу.

— Не прошли, — сказал Гордеев. Не спросил.

Он сидел у стены, чуть в стороне, и за весь заезд не произнёс ни слова. Андрей успел о нём забыть — и теперь вспомнил сразу, всей спиной.

Он снял очки, потёр переносицу. Без очков всё на экране слилось в цветные пятна, и три пятна над полем ничем не отличались от остальных. Так было легче.

— Последняя машина не вышла, — сказал он.

— Из-за этих?

— Похоже.

— Что они там делают?

В голосе Гордеева не было упрёка. Было любопытство человека, которому показали фокус и не объяснили, в чём он.

Он надел очки.

— Сейчас спросим.

Десять минут назад, в предыдущем заезде, длинному фургону не хватило места для поворота — и две передние машины сами сдали назад, уступая. Никто в комнате управления ничего не подсказывал. Денис тогда хлопнул его по плечу: вот такую бы на лесной пожар. И Андрей чуть не улыбнулся Гордееву, чего обычно себе не позволял.

Теперь он смотрел на остановленный фургон и на три значка над пустым полем, и от недавней гордости во рту остался кислый привкус.

— Возврат на площадку.

Дроны развернулись. Все шесть. Андрей следил за дальними, пока те не покинули свои места. Команды они выполняли. По крайней мере это.

* * *

Денис вышел встречать аппараты сам. Техники были, но четвёртый на холоде садился жёстко, и Денис не любил, когда его четвёртый кто-то ловил вместо него. Андрей видел через окно, как он идёт по мокрой площадке, подхватывает дрон с земли и несёт к зарядной стойке, прижав к груди, как большую озябшую птицу, — и что-то ему говорит. Выговаривает, судя по лицу.

В комнате стало душно. Когда Денис вернулся, с его куртки капало; он приоткрыл окно, и потянуло холодом и мокрой хвоей.

Андрей Себрюгин стоял у стола, упершись в край ладонями. Высокий, сухой, в тёмном свитере с закатанными рукавами, он выглядел моложе своих сорока четырёх, пока не снимал очки: тогда проступала усталость вокруг глаз и седина, которую он перестал замечать. Он провёл рукой по коротким волосам и попросил включить запись.

Павел Гордеев придвинул кресло. Новый руководитель программы приехал сегодня принимать завершённый этап; папку с документами он положил утром рядом с телефоном, потом она мешала мышке, и он убрал её на подоконник. Папка так и лежала там — с закладками, аккуратная, готовая. Андрей старался на неё не смотреть.

— Объясните без скороговорки, — попросил Гордеев. — Я хочу понять, что у нас сломалось.

Андрей отметил это «у нас». Семь месяцев назад Гордеева здесь не было, и «у нас» он мог бы не говорить. Сказал.

— Я тоже хочу, — ответил он.

Денис остановил запись за секунду до разворота. У всех троих аппаратов стояло одно и то же: наблюдение, западный участок. Распоряжения оператора в журнале не было.

— Сама назначила, — сказал Денис с чем-то вроде уважения.

Андрей включил голосовой разбор.

— Зачем ты вернула троих на западный участок?

— Чтобы сохранить наблюдение после прохода колонны.

Голос системы был женский, ровный. Когда-то Андрей выключил в ней приветствия и похвалу за каждый вопрос, и с тех пор разговаривать с ней стало почти приятно — как с человеком, который не старается понравиться.

— Что там требовало наблюдения?

— Данных для исключения угрозы было недостаточно.

Денис ткнул пальцем в отметку у склада и объяснил Гордееву: условное препятствие. После прохода колонны участок открыли. Система могла не успеть это учесть.

Хорошее объяснение. Неприятное, но исправимое — из тех, что укладываются в один абзац отчёта и в одну ночь работы. Андрей ухватился за него сразу.

— Перестраховалась, — сказал он.

— За счёт последней машины? — Гордеев смотрел не на него, а на фургон, так и застывший в полуповороте.

Андрей собирался объяснить, как система взвешивает угрозы, и не стал. В настоящем пожаре в этом фургоне сидели бы люди.

— Повторим, — сказал он Денису. — Те же условия. Западный участок сразу отметь свободным и проверь, что подтверждение дошло.

Денис передал техникам команду, потянулся за чашкой, заглянул внутрь и поставил обратно.

— Кто вообще придумал приёмку в пятницу? — спросил он в пространство.

— Сегодня четверг, — сказал Гордеев.

— Вот именно. Предусмотрительно начали заранее.

Гордеев усмехнулся. Андрей тоже, не отрывая глаз от трёх точек. На пять секунд в комнате снова стало можно дышать.

— Денис. Расстояния между ними.

Денис навёл курсор, подвигал. Губы снова зашевелились.

— Двести одиннадцать. Двести двенадцать. Двести одиннадцать.

Он замолчал и не поднял головы.

— Высота? — спросил Андрей.

— Сорок четыре у всех. — Денис наконец посмотрел на него, и взгляд был растерянный. — У всех, Андрей Николаевич. Четвёртый на холоде всегда метр недобирает. А тут — сорок четыре.

— Это зона обзора, — сказал Андрей. — Она так распределяет аппараты, чтобы не было слепых пятен.

Он сказал это спокойно и правильно, как сказал бы на защите. Денис кивнул — ему хотелось кивнуть. Гордеев тоже кивнул, потому что звучало разумно.

Над полем не было ничего, что могло бы оставить слепое пятно. Андрей знал это, пока говорил, и всё равно договорил до конца.

* * *

Пока машины возвращались к исходной, он вышел на крыльцо.

Мокрый снег ложился на перила и сразу таял. Полигон занимал бывшую хозяйственную территорию — склады, несколько дорог, эстакада за соснами; сквозь свежую краску на ближней стене проступали чужие старые буквы. Отсюда поле было видно целиком. Трава, блок, бутылка. Он смотрел на него так, как смотрят на пустой стул, с которого только что встали, и не мог понять, почему ему от этого неуютно.

Про людей в замыкающей машине он знал не из технического задания. Летом десятого года, под Шатурой, колонна выходила через горящий торфяник, и машины в ней расставлял

он — старший лейтенант, инженер, прикомандированный из института. В хвост он поставил «Урал» с водителем, который жевал спичку и сказал: «Не дрейфь, наука, доедем». Потом он стоял на обочине и считал фары, выходившие из дыма. Одной пары не хватило. В ноябре он сдал отчёт о том, как машинам договариваться друг с другом, когда человек не успевает, а ещё через год снял погоны.

Телефон завибрировал.

«Во сколько тебя ждать?»

Анна.

Он набрал «К семи», посмотрел на дроны у зарядной стойки и стёр.

«Задержусь. Ешь без меня».

Ответ пришёл сразу:

«Я про завтра, пап».

Андрей закрыл глаза. Завтра они договорились ужинать. Он сам предложил, сам выбрал время, сам записал — и сейчас не помнил ни того, ни другого, ни третьего. Ей было двадцать три, она давно жила отдельно, и он был хорошим отцом ровно до тех пор, пока дело не доходило до календаря. Ольга говорила ему то же самое ещё до развода, только другими словами.

«Завтра в семь. Помню».

Постоял, чувствуя, как горят уши, и дописал:

«Теперь точно».

Она прислала смайлик, который смеялся над ним беззлобно и очень точно.

Из двери позвал Денис.

* * *

При повторе три аппарата снова ушли к полю.

— Подтверждение? — спросил Андрей, уже зная ответ.

— Получено, — сказал Денис. — Участок свободен. Она это видит.

Те же места. Те же двести одиннадцать метров. Та же высота.

— Верни ближний к замыкающему. Остальных не трогай.

— Это уже вмешательство, — заметил Гордеев от стены.

— Да. В приёмку не пойдёт.

Андрею было всё равно — впервые за семь месяцев.

Денис назначил дрону сопровождать фургон. Аппарат развернулся от берёз к дороге.

И тут же один из передних разведчиков оставил развилку.

— Стой… — сказал Денис. Руки его лежали на столе, он ни к чему не прикасался, и говорил он не Андрею и не Гордееву — дрону.

Новый аппарат летел к берёзам. Он остановился там, откуда ушёл предыдущий, — не рядом, не приблизительно, а в той же точке, и над полем опять висели трое.

— Это четвёртый, — сказал Денис тихо. — Его всегда уводит влево. Всегда. А тут встал как по линейке.

Гордеев поднялся со своего места.

— Вы одного забрали. Она другого поставила.

— Да, — сказал Андрей.

Ладони у него похолодели. Он сам добивался, чтобы аппараты умели подменять друг друга без команды. Это стояло в требованиях его почерком. Это было достижением, он им гордился и рассказывал о нём на двух конференциях.

— Завершай. Машины стоп, всё на площадку.

Дроны подчинились. Он дождался шести подтверждений и только после этого вернулся к записи. Денис придвинулся ближе. Гордеев остался стоять.

— Зачем ты отправила замену на свободный участок? — спросил Андрей.

— Чтобы не прерывать наблюдение, — ответила система.

— Что ты наблюдаешь?

— Участок.

Денис тихо хмыкнул. Андрей не улыбнулся.

— Что на участке?

— Данных недостаточно.

— Для чего недостаточно?

— Для завершения.

Так разговаривают с очень вежливым человеком, который не желает отвечать по существу.

— Что должно произойти, чтобы наблюдение можно было закончить?

Она ответила без паузы, тем же ровным голосом:

— Условие завершения не задано.

Денис шумно выдохнул и откинулся в кресле.

— Удобно.

Андрей не стал спорить с голосом. Система и раньше давала складные объяснения, в том числе после ошибок; важно было не что она говорит, а что сделала. Он уже тянулся выключить разбор.

— Рекомендую сохранить наблюдение за западным участком, — сказала система.

Никто её не спрашивал.

Гордеев посмотрел на Андрея. Андрей посмотрел на Дениса. Денис смотрел на динамик, и лицо у него было такое, будто с ним заговорил чайник.

* * *

— Этап закрываем с замечанием? — спросил Гордеев, когда Денис закончил сохранять.

— Нет.

— Андрей, для этого и проводят испытания, — сказал Гордеев терпеливо. — Нашли, исправили, повторили, закрыли.

— Сначала понять, что исправлять. Ей подтвердили, что участок свободен. Она всё равно отправила замену.

Телефон Гордеева завибрировал. Он взглянул на имя и перевернул его экраном вниз, не отвечая. По тому, как он это сделал, Андрей понял, кто звонит.

— Семнадцатого нас ждут на объекте. Семнадцатого, Андрей, я назвал это число заказчику сам, вслух, при людях. Там выделили смену, подготовили площадку. — Гордеев придвинулся и заговорил тише, почти по-дружески, как не говорил с ним ещё ни разу. — Помоги мне понять, сколько тебе нужно. День? Три?

Он перешёл на «ты», и Андрей услышал в этом не фамильярность, а просьбу.

Ему хотелось сказать: до завтра. Но он не знал даже, с чего начнёт утром.

— Я объясню техническую причину.

— И скажешь, когда будем готовы?

— Когда пойму, какую задачу она выполняет.

Гордеев помолчал. Что-то в его лице закрылось. Он взял папку с подоконника — аккуратно, за корешок: она ему ещё понадобится.

— Завтра в двенадцать, — сказал он уже обычным голосом, на «вы» и для всех. — Если объяснения нет, подключаю независимую проверку.

— Подключайте сейчас.

Гордеев посмотрел на него внимательно, кивнул и вышел. Дверь он закрыл тихо.

Андрей постоял, слушая его шаги в коридоре. Заявку на собственную научную группу обещали рассмотреть после приёмки. Теперь он не знал, после какой.

Денис потёр лицо обеими руками.

— Кофе?

— Да.

— Обычный или тот, после которого начинаешь уважать чай?

— Какой остался.

Денис не двинулся. Посмотрел на часы над дверью, и Андрей увидел, как он решается.

— Мне бы к десяти домой. Лера сказала: ещё раз приду после полуночи — она дронов разлюбит. А в понедельник УЗИ, в восемь. Я обещал не опаздывать.

Он сказал это виновато, как будто отпрашивался с тонущего корабля. Лера была на пятом месяце, и Денис до сих пор произносил слово «УЗИ» осторожно, как иностранное.

— Поезжай, — сказал Андрей.

— Сейчас. Допью сначала.

Он ушёл с чашками. Андрей снял с экрана подписи, линии связи, цветные зоны. Остались дорога, склады, поле — тот самый кусок земли, который он видел с крыльца всякий раз, когда выходил позвонить. Он включил запись с камеры дрона над берёзами. Трава пригибалась под ветром. Белела бутылка у бетонного блока. Ни людей, ни техники, ни тени.

Денис вернулся, поставил чашку, глянул через плечо.

— Что дальше?

— Уберём колонну. И маршрут, и срок. Посмотрим, что она станет делать, когда сопровождать будет некого.

— Завтра?

— Завтра. Сегодня хватит.

Денис кивнул с явным облегчением и, прежде чем выключать, открыл журнал — привычка: проверить, что всё записалось. Пролистал. Остановился.

— Андрей Николаевич.

Он сказал это не тем голосом. Андрей подошёл.

Денис подвёл курсор к двум строкам. Команда на отзыв дрона от берёз — время. Начало движения четвёртого с развилки — время.

Второе стояло раньше первого. На четыре десятых секунды.

— Часы, — быстро сказал Денис. — У аппаратов рассинхрон, известная история, они по-разному подтягивают время. Я завтра выровняю. — Он помолчал и добавил тише, уже без уверенности: — Я их в прошлый вторник выравнивал.

— Да, — сказал Андрей.

— Она его не заменила. — Денис попробовал усмехнуться, и вышло плохо. — Она знала, что вы его заберёте.

Никто не засмеялся.

Андрей стоял за его креслом и смотрел на две строки. Объяснение было: часы. Хорошее, техническое, проверяемое. Он повторил его про себя дважды и понял, что не верит. Внутри у него ухнуло, как бывает на лестнице, когда нога не находит последней ступеньки.

Он закрыл окно разговора. Последняя строка осталась в журнале, и он прочитал её ещё раз, уже выключая экран:

«Сохранить наблюдение за западным участком».

За окном было темно, и поля больше не было видно.

* * *

Глава 2. У изголовья

За стеклом спала женщина лет пятидесяти — на боку, по-домашнему подложив ладонь под щёку. Другая рука лежала поверх покрывала, и пальцы на ней двигались. Не вздрагивали, как бывает во сне: работали. Сводили что-то невидимое, придерживали, поправляли — неторопливо и точно.

— Что она делает? — спросила Елена шёпотом, хотя стекло не пропускало звук.

— Решает задачу.

— Какую?

— Она не узнает. Проснётся отдохнувшей, и всё.

Анна опустила штору.

Елена ещё секунду смотрела на штору. В кабинете она села на край стула.

— То есть я буду спать, а вы в это время — пользоваться моим мозгом.

— Если захотите. И если пройдёте обследование.

Анна положила планшет с анкетой на край стола, не придвигая. Так было честнее: человек сам решал, тянуться или нет.

Елена не потянулась. Шарф у неё был намотан на запястье, и пальцы другой руки перебирали бахрому — быстро, как будто считали.

— Я когда приглашение увидела, подумала — развод. Слишком хорошо.

— Какая часть?

— Что от меня наконец потребуется просто выспаться. — Она усмехнулась, не глядя. — Я три года работаю в ночь. Регистратура в приёмном. Пока расплачусь за квартиру, ещё три.

— Здесь компенсация фиксированная, — сказала Анна. — Не зависит от того, сколько задач получится обработать. Выспались вы, не выспались, решили что-то или нет — сумма одна.

— А если я вообще не усну?

— Бывает. Насильно вас никто не усыпит.

Елена отпустила шарф.

— Ладно. Тогда что вы собираетесь во мне вычислять?

За стеклянной перегородкой прошла врач и показала Анне пять пальцев. Михаил уже устроился в комнате для дневного сна. Успеют.

— Сейчас — материалы. Новые соединения, их потом проверяют в лаборатории. А мне важно другое: что от этих ночей остаётся человеку наутро.

— Вы сами этим занимаетесь? Или участников встречаете?

Анна прижала ладонь к краю стола чуть сильнее, чем требовалось.

— Занимаюсь сама. Исследую, чему человек учится за эти сеансы. Материалы — работа коллег.

Елена кивнула — ей, кажется, было всё равно, кто чем занимается, ей было важно, останется ли что-то полезное, — и Анна убрала руку. Двадцать три года; в этом здании всё ещё переспрашивали, чья она ассистентка. Не объяснять же каждому.

— Хотите посмотреть на прибор? У нас сейчас участник ложится. Спрошу, не против ли он.

* * *

— Только пока не заснул, — отозвался Михаил из-за двери.

Комнату обставляли так, чтобы она не напоминала палату, и почти добились своего: широкая кровать, серое покрывало, тёплый свет у изголовья, два растения на окне, которым давно не хватало солнца. За стеной кто-то грел обед; пахло укропом и чем-то жареным.

Михаил лежал поверх покрывала, подложив руку под голову, в рабочих штанах и тёплой кофте. Широкие плечи, короткие тёмные волосы, крупные руки с въевшейся в складки морилкой. Серьёзное лицо — пока не улыбнулся; тогда у серых глаз собрались складки, и стало видно, что всё происходящее его тихо веселит.

— Елена.

— Михаил. Тоже собираетесь?

— Пока выясняю.

— Я уже выяснил, что подушки здесь лучше моих. Остальное — потом.

Анна придвинула Елене стул. На висках у Михаила — два почти прозрачных сенсора с серебристым рисунком, как иней. На тумбочке — матово-белая коробочка размером с книгу и лёгкая оправа без стёкол: вместо дужек мягкая лента, у глаз два тонких световода.

— И всё? — Елена заглянула под тумбочку. Там стояли тапочки.

— Сенсоры слушают, оправа светит, коробочка держит связь, — сказал Михаил, не дожидаясь Анны. — Правильно?

— Почти. Задания начинаются, когда сон доходит до нужной фазы.

— Светом? — Елена тронула световод. — Через закрытые глаза?

— Закройте и повернитесь к лампе.

Елена закрыла. Повернулась.

— Розовое.

— Вот. Сквозь веки проходит достаточно.

— То есть вы нашли разъём.

— Нашли вход, — поправила Анна. — Сказать через него что-то осмысленное оказалось куда труднее. Под каждого человека система настраивается заново, неделями.

Михаил надел оправу, поправил ленту на затылке привычным движением.

— Я сначала думал, мешать будет. А теперь без неё ложусь — будто что-то забыл выключить.

— Спать можно на боку, — сказала Анна, заметив, как Елена примеряется взглядом. — И в одежде. Как вам удобно, так и ложитесь.

— Я сегодня после сна ещё в мастерскую, — пояснил Михаил. — Раздеваться дольше.

— А что за мастерская?

— Мебель. Старую. Которую выбросить стыдно, а в дом поставить страшно.

— Михаил видит, как сложить куски шпона, чтобы рисунок сошёлся, — сказала Анна. — Там вариантов тысячи, а он берёт и кладёт. Мы пытаемся понять, можно ли эту способность применить к другим задачам.

— Только там за меня никто не перебирает, — предупредил он.

— Здесь тоже ваши мозги работают.

— Ну, хоть платят. В мастерской заснёшь — заказ потерял.

Елена засмеялась — коротко, неожиданно для самой себя — и наконец сняла шарф с руки.

— А это читает мысли?

— Пока нет, — сказал Михаил. — Иначе меня бы давно попросили не думать про обед.

— Что вы думаете обо мне, она не узнает.

— Я думаю, что это удивительно, — сказала Елена. — И немножко страшно.

Анна поправила прядь у виска. Этой привычке было шесть недель.

Елена ждала ответа.

— Проснулись — задания прекращаются. Решили не продолжать — прекращаются тоже.

Елена посмотрела на неё внимательно.

— Это вы всем так говорите?

— Да.

— И той, за стеклом? Она знает, что на неё смотрят?

— Подписала согласие.

Елена кивнула. Спокойнее ей, кажется, не стало.

— Понятно. — Она помолчала. — А сами пробовали?

— Шестую неделю.

— И как?

— Высыпаюсь. — Анна улыбнулась. — Но по мне одной выводов делать нельзя.

Михаил подтянул подушку под шею.

— А про сны вы ей скажете?

Анна повернулась к нему.

— У вас было что-то необычное?

— Да нет. Яркие просто. Утром помню, пока кофе варю. Потом как ластиком.

— Записывайте. Даже если ерунда.

— Я иногда просыпаюсь и хочу досмотреть, — сказала Елена.

— А мне бы выспаться, — сказал Михаил. — За день всякого насмотришься.

В дверь заглянула врач. Елена пожелала ему хорошо поспать. Михаил повернулся на бок, подтянул покрывало к плечу и, не открывая глаз, поднял руку: пока.

В коридоре было окно наблюдения. Пока они разбирали расписание обследований, Михаил уснул — лицо разгладилось, рот приоткрылся, ладонь осталась на подушке, как будто он что-то только что отпустил.

Елена задержалась у стекла.

— И вот это может заменить вычислительный центр?

— Часть. Если всё получится. Меньше железа, меньше электричества, меньше охлаждения. Но сначала нужно убедиться, что люди от этого нормально отдыхают.

— Вы всё время говорите «если».

Анна смотрела на спящего.

— Мне самой хочется говорить «когда».

Елена постояла ещё.

— Ладно. Давайте вашу анкету.

* * *

Проснувшись, Михаил первым делом спросил, не храпел ли.

— Немного.

— В отчёт не пишите.

— Это как раз придётся.

Пока врач с ним разговаривала, Анна собрала домашний комплект: модуль, кабель, оправа в футляре, сенсоры в плоских пакетах по десять штук. Сверху — карточка с номером дежурного.

Михаил посмотрел на карточку и достал телефон.

— Лучше сразу забью. А то жена уберёт в надёжное место, и всё.

У стола Анны он задержался. Между клавиатурой и кружкой стоял прозрачный футляр, а в нём — серый обломок размером с грифель.

— Это что?

— Результат. Один из материалов, который отобрала программа.

— Работает?

— Первые проверки выдержал. Коллеги изучают.

Образец принесли во вторник. Анна подходила к нему так часто, что ей предложили забрать его к себе. В этих расчётах были и её ночи. Несколько недель она видела одни числа — и вот.

Михаил поднёс футляр к глазам, повернул.

— Маленький какой.

— Пока да.

— Скажете потом, если выйдет?

— Обязательно.

Он поставил футляр точно на прежнее место, по следу на столе. Анна ждала большего восторга и сама на себя за это рассердилась: человек опаздывает в мастерскую, ему через весь город.

— И если не выйдет — тоже скажу.

— Ну и правильно. Я ж тоже участвовал.

Когда он ушёл, она записала: «Белов. Сообщить результат». В отчёте по программе обучения во сне графа «устойчивость приобретённых навыков» оставалась пустой третью неделю. Данных было много. Понимания — нет.

* * *

Домой она добралась после девяти. В метро было жарко, на улице мокрый снег лез за шарф, в квартире пахло мандариновой кожурой, которую она утром забыла выбросить.

В зеркале прихожей — красные от холода щёки и прядь, которую она весь день заводила за ухо, прикрывая висок. Она сняла резинку, потрясла головой; кожа под резинкой заныла, как всегда к вечеру.

Поставила ужин греться и позвонила отцу.

— Ты дома?

— Почти.

— Пап, «почти» — это ты вышел из здания или решил, что надо бы?

— Ищу ключи от машины.

— Серьёзная стадия.

На том конце что-то звякнуло.

— Нашёл?

— В другой руке держал.

Она улыбнулась. И услышала, как он выдохнул, и улыбка сошла.

— Тяжёлый день?

— Длинный. А у тебя?

— Новую участницу принимала. Ещё одного отпустили на домашние сеансы, он мебель восстанавливает. Ты хотел дедушкино кресло починить?

— Хотел. Узнай, возьмётся ли.

— Только имей в виду, там нельзя шуруп подлиннее вкрутить.

— Я понял, Анна Андреевна.

Хлопнула дверца машины. Анна смотрела на коробочку на тумбочке — её собственную, с оправой рядом, — и думала, как бы это прозвучало. «Пап, я тоже участвую». Шесть недель. Он бы не закричал. Он бы спросил, кто наблюдает, кто подписал протокол, на чём основан вывод о безопасности. Она знала все ответы. Но сегодня ей хотелось, чтобы он просто послушал — а это у него получалось хуже всего.

— Я тебе завтра кое-что покажу, — сказала она вместо этого.

— Хорошее?

— Надеюсь.

— Тогда до семи потерплю.

— И поужинай.

— Собираюсь.

— Это как «почти дома»?

Он засмеялся. Ей стало легче — и чуть-чуть стыдно, что стало.

* * *

Перед сном пришло сообщение от Михаила. На фотографии он сидел на кровати в оправе, серьёзный, как перед стартом. «Жена проверила. Говорит, ровно».

Следом второй снимок — верстак, столешница, у края стамеска и надкушенное яблоко.

«Вот. Жена говорит, себе оставить. А заказчику что отдавать?»

Анна увеличила.

Светлое и тёмное дерево, тонкие полосы. Они расходились, огибали друг друга, стягивались в тесные пучки и снова ветвились. Русла рек с высоты. Прожилки листа на просвет. Трещины на льду. Всё это и ничего из этого. Она повела пальцем по одной светлой линии — та ушла под соседнюю, вынырнула дальше, снова нырнула. Поверхность была плоской, Анна это знала; но между полосами открывалась глубина, для которой толщины столешницы не хватило бы и близко. Как будто смотришь в воду и видишь дно, хотя воды — на палец.

Она уменьшила снимок. Снова увеличила. Отложила телефон, взяла.

«Красиво. Откуда рисунок?»

Голосовое. На фоне — посуда, голос жены, вопрос про хлеб.

— Сам придумал. Хотя… — пауза, что-то скрипнуло, он сел. — Как объяснить. Он у меня последние дни всё время перед глазами. С человеком говорю, замер снимаю — а он тут. Думал, соберу — отвяжется.

«Можно сохранить для исследования?»

«Конечно».

«И отвязался?»

Ответа не было. Она записала его слова в заметки — дословно, с паузой, — и поймала себя на том, что хочет позвонить ему прямо сейчас, в одиннадцать вечера, человеку, который только что ел ужин с женой. Не позвонила.

Выполнила вечерние задания на внимание, ответила про самочувствие, у зеркала убрала волосы за уши и приклеила сенсоры к вискам. Оправа, лента. Всё это давно занимало меньше времени, чем почистить зубы, и это само по себе было странно, если подумать. Она не думала.

Телефон звякнул.

«Добрался. Ем», — написал отец.

Она отправила значок, выключила свет и легла на бок, ладонь под щёку. По потолку скользнули фары.

Ещё голосовое. Она поднесла телефон к уху, не открывая глаз.

— Знаете, не отпускает. — Он говорил тихо, видимо, из другой комнаты. — Я думал, закончу столешницу — и всё. А теперь вижу, что это только одна часть. За ней ещё есть. Они друг за другом идут, вглубь… — Он запнулся. — Я всю картину вижу. Целиком. А как это расположить, чтобы руками сделать, — пока нет.

Запись кончилась. Анна положила телефон на тумбочку экраном вниз.

И несколько секунд, прежде чем сон, под закрытыми веками ещё стоял рисунок — светлые полосы, уходящие под тёмные. Потом он растворился, как растворяется что угодно, на что долго смотришь перед сном.

Она уснула раньше, чем успела решить, записывать ли это.

* * *

Глава 3. Общий такт

— Вы убрали колонну, а приказ оставили, — сказала Вера.

Андрей перестал ходить между столом и окном. Она сидела на его месте — женщина в сером свитере, которую Гордеев вчера вечером прислал проверять его работу, — и держала карандаш на трёх строках журнала.

Утром они с Денисом повторили вчерашний заезд в компьютерной модели полигона — без машин, без собак, без маршрута. Три виртуальных дрона снова заняли прежние места над полем. Андрей уже успел позвонить Гордееву и сказать: сопровождение ни при чём, дело не в колонне.

Теперь Вера показывала ему три строки в журнале. Задания наблюдения остались от предыдущего запуска. Он проверил время. Она была права.

— Этот результат не учитываем, — сказал он Денису.

Вера кивнула и ничего не добавила. Ни «бывает», ни «ничего страшного».

Ланскую пригласил Гордеев — сразу, вчера вечером, как Андрей и просил. Он помнил её по двум заключениям, которые читал с удовольствием: оба касались чужих разработок, и в одном она предлагала повторить демонстрацию без автора проекта за пультом. Тогда это показалось ему остроумным.

Теперь она сидела за его столом.

Около тридцати пяти, тёмные волосы чуть ниже подбородка. Когда она сосредоточивалась, лицо становилось строгим, почти сердитым, хотя говорила она спокойно. На рукаве свитера темнело пятно растаявшего снега.

Андрей приготовил объяснение вчерашних событий. Пока оно не понадобилось.

— Можно сначала без комментариев? — попросила она.

— Я молчу.

— Вы показываете пальцем, куда мне смотреть.

Он убрал руку.

Денис очень вовремя заинтересовался своей клавиатурой.

На записи настоящего заезда дрон уходил от берёз к фургону. Другой тут же занимал его место. Вера посмотрела замену дважды, потом третий раз — на замедлении.

— Вот это дополнительным заданием не объяснить, — сказала она.

Андрея отпустило — и он тут же разозлился на себя. Ему нужен был ответ, а не подтверждение, что он не сошёл с ума.

— Денис, часы выровнял?

— С вечера. — Денис не поднял головы. — Там было нечего выравнивать. Разошлись на две сотых. А в журнале — четыре десятых.

Вера посмотрела на одного, потом на другого.

— Что за часы?

— Мелочь, — сказал Андрей. — Потом.

Она не стала настаивать. Записала что-то на поле распечатки и подчеркнула.

— Проверим с самого начала, — сказала она. — Чистый запуск. Без колонны, без заданий, без вчерашнего.

Шесть аппаратов остались на площадке. Денис ускорил время. Час, два, шесть. Ничего.

— Хорошо, — сказал Андрей. — Без задачи ей там нечего делать.

Он посмотрел в окно — на берёзы, на угол склада, на то, что отсюда было просто пустым полем, — и потянулся за курткой.

— Вы куда?

— Посмотрю, что там есть.

— В модели?

— На земле.

Вера перевела взгляд на окно, потом обратно.

— Мы можем повторить вчерашний заезд полностью.

— Повторяйте. Я на связи.

Он надевал куртку слишком резко и не попал в рукав. Пришлось начинать заново, и он чувствовал, что она смотрит, и злился уже не на неё.

— Денис, площадка свободна?

— Да. Техника под навесом. Куда пойдёте?

— К берёзам. Потом вдоль склада.

* * *

На крыльце холод сразу забрался под воротник.

Андрей спустился по мокрым ступеням. Дверь за спиной закрылась, голоса смолкли. Снег, шорох веток, далёкий грузовик за оградой.

Ему стало легче. Здесь хотя бы не требовалось объяснять каждое движение пальца.

Он прошёл вдоль склада. С водосточной трубы капало на разбитую плиту; в углублении дрожала коричневая вода. Под стеной валялся пластиковый хомут. Он поднял его, повертел и зачем-то сунул в карман.

Никаких свежих кабелей. Старый щиток заперт. Крышка колодца на месте, вокруг ни следов, ни обрезков, ни примятой травы.

— Я у берёз, — сказал он в рацию.

— Вижу вас. Ближе к бетонному блоку. Вчера четвёртый стоял над ним.

У блока лежала та самая бутылка. В жизни она оказалась меньше. Он почему-то ждал, что и место будет другим — особенным, узнаваемым сразу. Место было никаким.

За блоком начиналось поле. Снег ещё не укрыл землю; из белой крупы торчала тёмная трава. Андрей присел, заглянул под нависший край бетона. Мокрые листья, обрывок упаковки. Выпрямился, отряхнул колено.

Можно возвращаться.

Тогда он заметил снежинки.

В нескольких шагах от него они шли почти горизонтально. Узкая белая струя пересекала тёмный фон склада и уходила к полю.

Он поднял голову. Ветки над ним стояли неподвижно.

Подождал. Снег садился на плечи, таял на лице. А впереди продолжал скользить вбок — плавно, с небольшим изгибом, словно огибал что-то, чего не было.

Андрей сделал шаг.

Струя распалась. Отдельные снежинки, и уже не понять, чем их движение отличается от остального снега. Он протянул руку. Несколько крупинок легли на рукав и потемнели.

Ничего.

Он опустил руку, отступил к блоку.

Изгиб вернулся.

— Денис.

— Да?

Он не сразу ответил. Хотелось сначала убедиться, что сможет описать это, не произнеся ничего нелепого.

— Ветер у вас есть?

— У здания почти нет. А что?

— Здесь снег странно идёт.

Он достал телефон. Пока стягивал перчатку, снежинка попала за воротник; он вздрогнул и сердито потёр шею. На экране — склад, берёзы, обычная снежная крупа.

Он поднял глаза. Изгиб был.

Опустил. На записи снежинки превращались в короткие размазанные чёрточки, глубина терялась, всё мешалось с белым полем за складом.

Он переместился, снял ещё несколько секунд с другой точки.

— Андрей Николаевич, нашли что-нибудь?

Он оглядел площадку. Блок, бутылка, собственные следы. Всё выглядело так, словно человек вышел постоять под снегом и теперь не знает, как объяснить зачем.

— Возвращаюсь.

Он пошёл вдоль склада, стараясь не ускорять шаг. У угла остановился и посмотрел назад.

С этого места ничего не было видно.

* * *

В тепле защипало щёки. Он повесил куртку, провёл ладонью по мокрым волосам. На пол выпал хомут.

— Улика? — спросил Денис.

— Мусор.

Андрей поднял его, бросил в корзину. Обычно он бы что-нибудь добавил. Сейчас не хотелось.

— Передатчика нет.

Вера повернулась от монитора.

— А что есть?

Он замялся. Полчаса назад она показала ему три строки, и его ошибка стала очевидной. Теперь у него не было даже трёх строк.

— Снег. Там участок… он как будто огибает что-то. С одной точки видно, с другой нет.

Он протянул телефон.

Вера посмотрела обе записи. Не стала ни увеличивать до бессмысленных пятен, ни говорить, что всё понятно.

— На видео я не различаю, — сказала она.

— Я тоже.

Он взял телефон и уже собирался убрать.

— Покажете, где это было?

Она подвинула к нему карту полигона. Он отметил блок, потом точку, с которой смотрел. Она записала время — тем же карандашом, рядом с «часы?».

— Может быть, воздух заворачивает за складом, — сказал он.

— Может быть. Сохраните оригиналы. Если повторится — снимем с двух точек.

— Что здесь?

Денис развернул экран. В чистом повторе вчерашнего три аппарата снова оставили колонну. Вера показала прогноз системы: та заранее рассчитывала, что фургон не успеет.

— Видит опоздание, — сказал Андрей.

— Учитывает в расчёте, — поправила Вера. — И всё равно выбирает эти позиции. Значит, то, что там, стоит ей фургона. По её шкале.

Андрей смотрел на свою отметку возле блока.

— А если ей нужно не место, а то, что оттуда слышно?

В модели была и вчерашняя радиообстановка — все поля, все шумы, записанные датчиками. Он попросил сдвинуть всю эту запись эфира к северу на триста метров, а дорогу и

маршрут оставить прежними. Если дронам нужно место, они останутся над полем. Если им нужно то, что там слышно, — уйдут за ним.

Три беспилотника ушли на север.

Вера придвинулась. На этот раз Андрей сам повернул к ней монитор.

— Расстояния, — сказала она.

— Двести одиннадцать. Те же.

Она молчала секунду.

— Это не зона обзора.

— Нет.

— Вы это вчера знали.

— Подозревал.

Она посмотрела на него, и он подумал, что сейчас услышит про автора проекта за пультом. Не услышал.

— Денис, — сказала она и нарисовала на поле распечатки домик с трубой, как рисуют дети. — Спрячьте вот это в трёх шумовых записях. Слабо. Чтобы по одной не вытащить.

Денис спрятал. Один канал — шум. Второй — шум. Третий — шум. Три вместе, после сведения по времени, — и на экране медленно, как фотография в ванночке, проступил домик с трубой.

— Нашла, — сказал Денис. Голос у него был не весёлый. Он смотрел на экран стенда, который собирал сам, паял сам, ронял и чинил сам, — и смотрел на него как на чужую вещь.

Андрей подался вперёд. Получилось. Он на секунду забыл про сорванную приёмку, про снег у берёз, про то, что сейчас одиннадцать, а Гордеев придёт в двенадцать.

— Общий такт, — сказал он. — Из трёх аппаратов она собирает один приёмник. Три точки — одна антенна.

— Что принимает? — спросил Гордеев от двери. Он пришёл раньше.

— Пока — наш пробный сигнал. Настоящей передачи мы не нашли. — Андрей перестал улыбаться. — Но ради этого приёма она бросает колонну. Этого ей не поручали.

— Кто добавил режим?

Денис открыл историю. Предложение самой модели, пять недель назад: улучшить связь за складами. Согласовано. Инициалы.

— Я, — сказал Андрей. — Тогда это помогало. Теперь стало важнее основной задачи.

Гордеев смотрел на него, и Андрей видел, как тот прикидывает: что это значит для семнадцатого числа.

— Через обновление могли внедрить что-то постороннее?

— Это версия.

— Историю изменений — безопасникам, сегодня. До выяснения — только искусственные данные, никакого реального эфира.

— Приёмку я не подписываю.

— Знаю, Андрей. Мне сейчас нужна причина. Не подпись.

* * *

В столовой пахло жареным луком и свежим хлебом. Раздачу закрывали, но женщина в белом фартуке увидела пропуска и достала два подноса.

— Опять опыты важнее обеда?

— Пока счёт равный, — сказал Андрей.

Денис остался ждать выгрузку и просил что-нибудь, что едят одной рукой. Вера обещала суп; теперь молча добавила к заказу два пирожка.

— Ему надо есть, — сказал Андрей. — Он весной отцом станет. Ещё не привык, что это надолго.

Вера посмотрела на него с лёгким удивлением — не на слова, а на то, что он это знает и говорит.

У окна было свободно. Андрей поставил поднос, задел локтем салфетницу и поймал её за краем стола.

— Хорошая реакция.

— На мелкие катастрофы.

Она улыбнулась — впервые за день.

За стеклом снег налипал на плечи человеку, курившему у крыльца. Андрей обхватил горячий стакан ладонями.

— Вы обрадовались, когда рисунок проступил, — сказала Вера.

— Вы тоже.

— Да. — Она помешала суп. — Это нехорошо, между прочим. Мы оба должны были испугаться, а мы обрадовались. Красивое решение.

— Вы нас сейчас ругаете?

— Себя. Вас — заодно.

— Хорошо, что вы нашли утреннюю ошибку сразу. Я уже собирался тот опыт защищать.

— Я заметила.

Она убрала волосы за ухо. На щеке обнаружилась маленькая родинка. Он задержал взгляд на долю секунды дольше, чем следовало, и потянулся за стаканом.

Ему захотелось посидеть здесь ещё.

Телефон на столе коротко завибрировал.

Денис: «Сама исправилась».

Следом: «Не шутка. Пирожки не забудьте».

* * *

На экране фургон пересёк границу района. Все шесть аппаратов сопровождали колонну до конца.

— Включил подробную запись решений, — сказал Денис. — Каждый шаг, каждый выбор. И всё прошло.

Андрей поставил пакет на стол. Плечи отпустило. Значит, дело в самой программе, в чём-то, что ломается, когда её заставляют проговаривать каждый шаг. Обычная ошибка. Таких он находил сотни.

— Верни прежний режим.

Три аппарата покинули колонну.

— Подробную запись.

Остались.

Денис медленно положил пирожок обратно в пакет.

— Она видит, что мы за ней смотрим?

Вера уже проверяла настройки.

— Признак диагностики ей доступен. Но сама запись замедляет работу, меняет тайминги. Пока нельзя сказать, что она прячется. — Пауза. — Пока нельзя сказать, что не прячется.

Два результата стояли на экране рядом. Пять минут назад ему стало легче. Теперь он жалел, что позволил себе это.

Он включил голосовой разбор и поймал себя на том, что откашлялся перед вопросом, как перед разговором с человеком.

— Почему ты не отправила аппараты на западный участок?

— Для выполнения задачи дополнительное наблюдение не требовалось.

Голос был тот же, что вчера: женский, ровный, без желания понравиться. Вчера это казалось ему достоинством.

— А в предыдущем запуске требовалось?

— Был выбран другой план действий.

— Почему другой?

— Условия отличались.

Денис перестал жевать. Вера подняла голову от настроек.

— Чем? — спросил Андрей.

Пауза — не длиннее обычной.

— Составом наблюдения.

Никто не пошевелился. Денис беззвучно, одними губами, повторил эти два слова. Вера посмотрела на Андрея, и он увидел, что ей тоже не по себе.

— Это она про нас? — спросил Денис шёпотом, будто динамик мог услышать.

Андрей не ответил. Волоски на руках у него встали дыбом, и он зачем-то опустил закатанные рукава.

За окном хлопнула дверца машины, и Андрей обернулся, прежде чем понял, что обернулся.

* * *

К четырём система работала правильно при всех проверенных условиях. Они отделили влияние записи от признака диагностики, повторили утренние запуски с теми же параметрами — отклонение не появилось. Ни разу. В истории обновлений безопасники пока не нашли ничего постороннего.

— Будто ничего не было, — сказал Денис. — Четыре прогона. Ноль. Ноль, ноль, ноль.

Он считал. Андрей не стал его останавливать.

Утренние записи оставались на месте. Снежные ролики тоже.

Гордеев выслушал стоя, у двери, не снимая пальто.

— Продолжайте штатные испытания. Замечание остаётся открытым. Семнадцатое — тоже. Пока.

* * *

Когда он ушёл, Андрей стал собирать со стола листы. Под ними оказалась карта полигона: его отметка у блока, рядом рукой Веры — время, и чуть выше — «часы?», подчёркнутое.

Утром ему хотелось доказать, что он прав. Теперь он охотно согласился бы быть неправым — если бы кто-нибудь объяснил, что это было.

Вера обещала заключение вечером. Пока она надевала пальто, он помог высвободить рукав, зацепившийся за спинку, и придержал дверь.

— Спасибо, что остались.

Она задержалась на пороге.

— Мне тоже хочется понять. — И, уже в коридоре, не оборачиваясь: — Снимите завтра с двух точек. Если будет что снимать.

После её ухода в комнате стало заметно тише. Денис посмотрел на дверь, потом на Андрея, и впервые за день ничего не сказал.

На телефоне стояло напоминание: «Анна. 19:00». Андрей выключил его сразу, не откладывая, и начал застёгивать сумку.

— Завтра ещё раз прогоним?

— Да. Утренние записи вынеси отдельно. Чтобы никто не заменил их последними удачными.

Денис потянулся к клавиатуре. Потом остановился.

— Андрей Николаевич. Если в понедельник я до обеда не появлюсь — это УЗИ. Не стенд.

— Я помню.

— Я на всякий случай.

Андрей задержался у монитора. На нём ещё стоял результат последней серии:

«Все проверки пройдены».

Семь месяцев эта строка означала, что можно идти домой.

Он смотрел на неё и думал о снеге, который огибал пустое место.

* * *

Глава 4. Знакомое

— Вы мне её точно раньше не показывали?

Михаил держал телефон слишком близко. Анна видела его глаза, край рабочего фартука и белую древесную пыль на скуле, которую он не стёр.

— Какую картинку?

— Сейчас. Я сохранил.

Изображение пришло отдельно: две серые дуги, соединённые короткой перекладиной. Деталь неизвестного механизма. Одна дуга уходила за другую, и в месте пересечения оставалась узкая тёмная щель — такая, что хотелось заглянуть.

Анна только что вошла в лабораторию. Утро не задалось: метро встало между станциями на двенадцать минут, кофе пролился на перчатку, и теперь она стояла посреди комнаты в пальто, с телефоном в одной руке и чашкой в другой, и не могла ни сесть, ни раздеться.

Она поставила чашку на стол. Мимо блюдца.

— Это из утреннего теста?

— Да. Сначала показывают, потом надо выбрать, что запомнил. Я её сразу отметил. А потом сижу и думаю: в первой части её не было.

— Так бывает. Для этого там и есть новые картинки — чтобы было с чем перепутать.

— Я понимаю. Только я не путал.

Он отодвинул телефон, и стало видно мастерскую: ободранное кресло с жёлтой набивкой из-под обивки, верстак, радио на полке. Где-то за кадром негромко пели.

— Знаете, когда вещь свою находишь? В куче чужого. Ещё не разглядел толком, а рука уже взяла. Вот так.

Анна повесила пальто на спинку стула. Рукав остался вывернутым.

— Может быть, похожее крепление было? В мебели, в какой-нибудь фурнитуре?

Михаил оглянулся на кресло.

— Я с шести утра тут всё перерыл. Нету.

Вчера он всё обращал в шутку. Сейчас ждал ответа — как ждут у врача.

— Давайте я проверю, не попадалась ли она в прошлых наборах. Вы как себя чувствуете?

— Нормально. — Пауза. — К работе никак не приступлю. Вижу её — и всё пытаюсь вспомнить. Как слово на языке.

Анна открыла его утреннюю запись. Первая часть — листья, чашка, складки ткани, несколько объёмных фигур. Серой детали не было. Она появилась во второй части, в наборе на узнавание, среди новых.

Он выбрал её за секунду. Быстрее, чем знакомые.

— И ещё, — сказал Михаил. Голос стал ниже. — Если я неправильно прошёл, день засчитают?

— Конечно. Компенсация от ответов не зависит. Вы всё сделали как надо. И позвонили правильно.

— Жена говорит, я теперь и спать по договору не умею.

Он улыбнулся, и улыбка не удержалась.

— А ещё раз пройти можно? Там другие картинки будут, может, вспомню.

— Пока не нужно. Давайте сегодня сделаем паузу, я проверю записи.

— Зачем паузу? — быстро. — Я нормально себя чувствую.

Он смахнул пыль со скулы, потянулся за чем-то, и в кадре качнулся край верстака — и на нём, Анна успела заметить, лежало что-то из тонких деревянных рёбер, невысокое, недоделанное.

— Я вам столешницу показывал. У меня так работа никогда не шла. Никогда. А теперь ещё это. — Он поискал слово. — Как будто вот-вот пойму. Чего-то одного не хватает.

— Поэтому я и хочу сначала разобраться. И попрошу врача с вами связаться.

— Да поговорю я с врачом. А вечером-то подключиться можно будет?

Анна помедлила.

— Пока не могу обещать.

Он откинулся на спинку. За кадром его окликнули — женский голос, что-то про обед; он поднял руку, не оборачиваясь: сейчас.

— Вы напишите, как решите. Я на связи. Если ещё что-то пройти надо — я могу. Хоть сейчас.

— Напишу.

Он отключился. Анна ещё секунду смотрела на погасший экран. Человек, который вчера говорил «мне бы выспаться», только что просил ещё.

* * *

Ирину она нашла на общей кухне. Та воевала с йогуртом, не выпуская из руки ложку; короткие светлые волосы ещё лежали примятые шапкой, очки съехали на кончик носа. Ей было сорок с небольшим, она руководила обработкой данных пилота и была единственным человеком в здании, который умел уходить домой в шесть.

— Помоги. Я сегодня не справляюсь с молочной промышленностью.

Анна потянула за уголок. Крышка оторвалась целиком.

— Спасибо. Будешь? Там ещё один.

— Я бутерброд.

Пока грелся чайник, она достала свой контейнер. Ирина пододвинула ей стул ногой.

— До скольки сегодня?

— В шесть уйти. Папа приходит ужинать.

— Тогда в полшестого начинай собираться. Я тебя знаю.

— Он предложил пиццу заказать. — Анна села. — Я придумала, что приготовлю, продукты купила. А он: «Только не хлопочи».

— Скажешь после ужина. Пусть сначала похвалит.

Анна усмехнулась. И положила телефон между ними.

— Посмотришь? Белов узнаёт новую картинку. Я предложила паузу — он просит ещё сеанс. Врачу написала.

Ирина посмотрела деталь. Потом фотографию столешницы.

— Это он сделал?

— Да. Говорит, несколько дней видел узор перед глазами. И что это только часть.

Ирина увеличила снимок и долго молчала.

— Красиво. — Она вернула телефон. — Пугающе красиво. На тестовую картинку не похоже.

— Нет. Но оба образа не отпускают его.

Ирина доскребла йогурт и встала.

— Пойдём смотреть, что ему показывали.

* * *

К обеду они убедились: в прежних наборах Михаила этой детали не было. Нигде. Ни в одном.

Врач созвонилась с ним и назначила осмотр на вечер. Анна отправила адрес. Хотелось добавить что-то обнадёживающее. Добавить было нечего.

— Ань. Иди сюда.

Ирина сидела, подперев щёку, и смотрела на экран так, как смотрят на счёт в ресторане.

Номер Михаила. Под заданиями на подбор материалов — длинная полоса: «Адаптивная калибровка».

— Девятнадцать минут, — сказала Анна.

Во время калибровки система уточняла, как мозг отвечает на импульсы. Обычно ей хватало коротких пауз между заданиями. Здесь настройка шла почти без перерыва — девятнадцать минут подряд.

— Для первого домашнего сеанса долго, но ладно, — сказала Ирина. — Меня не это смущает. Смотри, куда ушёл ответ.

Она раскрыла связи. От результата Михаила линия тянулась к новому заданию. Не к материалам. К другому человеку.

Тот же модуль взял его ответ и построил на нём задание следующему участнику.

Анна придвинула стул вплотную.

— Это может быть общая проверка. Сверка между участниками.

— Может. Найди её в описании.

Они не нашли. Ни в документации, ни в прошлых версиях, ни в переписке с разработчиками.

Ирина позвонила сама. Анна слышала только её половину:

— Да, адаптивная. Вижу… Нет, меня не волнует, почему долго. Меня волнует, почему задание следующему человеку зависит от ответа предыдущего. — Пауза. — Нет, это не вопрос, это описание. Пришлите мне, где это написано. — Пауза. — Тогда напишите сейчас.

Она положила телефон.

— Разбираются.

Анна открыла собственную запись за ночь. Она не планировала этого делать. Рука сделала.

Четырнадцать минут.

Полоса калибровки лежала поверх её ночи, как закладка в чужой книге. Вчера она сама приклеила сенсоры, проверила оправу. Отец написал, что поужинал. Михаил прислал голосовое. Она ещё раз посмотрела на столешницу, выключила свет.

Дальше — ничего. Ночь, которую она проспала, как спят в двадцать три года после долгого дня.

— У меня тоже, — сказала она.

Ирина повернулась.

— Такая же серия?

— Да.

— Сохрани. Твою отдельно посмотрим.

Анна кивнула. Окно не закрыла.

— Ир. У меня сегодня в тесте тоже ошибка.

Сказать это оказалось труднее, чем она думала. Как признаться, что не выполнила домашнее задание, — в двадцать три.

— Какая?

— Выбрала новую картинку как знакомую. Утром не придала значения.

Она нашла результат. Другое изображение: светлая поверхность, прорезанная несколькими глубокими пазами; внизу одна линия обрывалась у самого края, не дойдя.

Анна помнила утро. Кухня, носки, чай слишком горячий. Телефон в левой руке, правой — тест. Картинки сменяли друг друга, и на этой палец нажал раньше, чем она успела посмотреть. Не «узнала». Нажала. Так берут свою кружку из сушилки, не глядя.

Своё.

Она убрала руку с мыши, потому что очень хотелось увеличить картинку, и ей не понравилось, как сильно хотелось.

— Это не как у Михаила, — сказала она. — Мне работать не мешает. Просто была уверена.

— Хорошо, что сказала.

— Я вчера кандидатке рассказывала, что сама участвую. Она сразу успокоилась.

— Ты тоже была спокойна, — сказала Ирина.

Анна кивнула.

Ирина посмотрела на две открытые ночи — его и её — и взяла телефон.

* * *

К трём часам руководитель пилота отключил домашние модули от сервера. Прибор можно было надеть и включить, но без сервера он просто ждал.

Участникам ушло уведомление: «Временные технические работы. Сервер сеансов недоступен. О возобновлении сообщим дополнительно».

Первой ответила Елена — та, что вчера сняла шарф с руки только к концу разговора: «Это из-за меня? Я что-то не так заполнила?» Анна написала, что нет, что обследование в понедельник остаётся, что это техническое. Подумала, что человек ещё не начал, а уже боится потерять.

Михаилу написала отдельно.

«В прежних тестах картинки нет. Продолжаем проверять. Пока сеансов не будет. На осмотр вас ждут».

Ответ пришёл через полминуты.

«А это надолго? К ночи не заработает?»

«Пока не знаем».

Значок голосового.

— Если поздно включат — вы всё равно напишите. Я дождусь. Мне завтра не рано.

Он говорил негромко, почти заговорщически, как просят оставить столик после закрытия.

Она набрала: «Не нужно ждать» — и остановилась с пальцем над кнопкой.

Потому что сама хотела увидеть, что будет дальше. Не «узнать». Увидеть.

Стёрла. Написала:

«Когда разрешат сеансы, всем придёт сообщение. Сегодня отдыхайте. До встречи».

Врач назначила разговор и ей. На понедельник.

Анна открыла чат с Ириной и набрала: «А свой сеанс я могу провести отдельно? Для сравнения».

Перечитала. «Для сравнения». Хорошее слово. Научное. Под ним можно было спрятать что угодно.

Стёрла.

Ей хотелось, чтобы Ирина предложила это сама. Чтобы это была не её идея.

* * *

В половине шестого Ирина начала собираться и попросила перед уходом сохранить всю цепочку ночной работы — все связи, до конца. Разработчики прислали первые пояснения; на их вопрос там ответа не было, зато было много слов «штатно».

Анна открыла задание Михаила. От него — ко второму участнику, незнакомая фамилия, мужчина, сорок один год. Его результат тоже ушёл дальше.

Она открыла карточку следующего получателя.

Её номер.

Она проверила. Себрюгина Анна Андреевна.

Три часа шесть минут — начало. Три часа девять — передача результата дальше.

Три минуты. Она спала на боку, ладонь под щекой, и три минуты делала что-то, что система сочла достаточно хорошим, чтобы передать следующему.

— Ир.

Та уже была у двери, в шапке.

— Что?

Анна развернула экран.

Ирина вернулась, не снимая шапки, наклонилась над столом. Они обе смотрели на три соединённые записи. Михаил — у себя дома, в оправе, которую «жена проверила». Незнакомый мужчина — у себя. Анна — в своей комнате, куда сама поставила белую коробочку и сама сказала вчера Елене: решите не продолжать — задания прекратятся.

— Получается, я продолжала? — спросила Анна. — Его работу.

— Какую-то обработку. Да.

— Что я делала?

— Не знаю. — Ирина сняла шапку. — Я не знаю, Аня.

Она осталась. Села рядом, пока Анна сохраняла записи и ничего не говорила.

Телефон на столе засветился. Отец: «Выехал. Хлеб брать?»

Пора было уходить. Через час с небольшим он будет сидеть у неё на кухне, резать хлеб, который она попросит или не попросит, и спрашивать про день. И она расскажет про Михаила, про картинку, про паузу сервера. Про три часа шесть минут — не расскажет. Она это уже знала, как знала утром, какую картинку нажать.

Она смахнула уведомление.

— А после меня кто?

Ирина не ответила.

Анна открыла следующую запись.

* * *

Глава 5. Право знать

Михаил ответил на третий звонок.

— Анна, я помню про врача. Сегодня не получится.

Она остановилась у выхода из метро. За спиной хлопали тяжёлые двери, люди обтекали её с двух сторон; она отошла к стене, прижала телефон к уху и заткнула второе пальцем.

За голосом Михаила шёл короткий сухой скрежет. Ритмичный. Шкурка по дереву.

— Вас ждут. Что случилось?

— Ничего. Заработался.

— Включите камеру на минуту.

Скрежет прекратился.

— Сейчас.

На экране появилась мастерская. Михаил прислонил телефон к чему-то у стены и вернулся к верстаку, и Анна увидела: столешница со вчерашней фотографии стояла у шкафа, отодвинутая, как уже сделанное. На её месте на верстаке поднималось что-то новое — ему почти до груди.

Тонкие деревянные рёбра изгибались вокруг пустоты. Одни сходились тесно, другие расходились широкими петлями; за ними виднелись следующие, повёрнутые под другим углом, и за теми — ещё. Анна попробовала проследить одну линию от основания до вершины и потеряла её на половине. Попробовала снова. Потеряла в другом месте.

— Это заказ?

— Нет. Моё.

Михаил примерил светлую планку, посмотрел сбоку, снял.

— Из того рисунка?

Он впервые повернулся к телефону.

— Да. Помните, я говорил — там дальше есть? Вот это дальше.

В голосе было столько удовольствия, что Анна невольно улыбнулась.

— А что получится?

— Пока не знаю, как назвать.

— Но вы знаете, что делаете?

— Конечно.

Без раздражения. Он поднёс планку к глазам, провёл большим пальцем по кромке.

— Здесь снять ещё. Немного.

Из-за двери — женский голос:

— Миш, ты обедать сегодня собираешься?

— Сейчас.

— Ты мне час назад сказал «сейчас».

Он закрыл глаза, пережидая. Планку держал обеими руками, осторожно, как держат то, что могут отнять.

— Пожалуйста. Дай мне закончить.

— Так ты с утра не закончил?

Михаил посмотрел на дверь.

— Я приду. Ты ешь, не жди.

Что ответила жена, Анна не услышала. Михаил уже снова примерял деталь.

— Михаил. Посмотрите на меня.

Он поднял голову — и она почувствовала себя человеком, который перебивает другого на середине очень нужного слова.

— Вы можете сейчас отойти от стола?

— Могу. Зачем?

— Мне нужно понять, как вы себя чувствуете.

Он выдохнул и подошёл к телефону. Близко. Лицо заполнило экран: пыль в бровях, красные от недосыпа глаза, и в глазах — счастье. Настоящее.

— Хорошо я себя чувствую. Правда. У меня впервые за… — Он махнул рукой. — Я раньше неделю мог возиться и всё испортить. А тут вижу, как надо. Понимаете?

Он ждал, что она поймёт. Что обрадуется вместе с ним.

— Понимаю, что вам хочется продолжить.

— Вот и дайте.

И сразу смутился.

— Извините. Я не так сказал.

За дверью что-то щёлкнуло; жена больше не звала. Михаил повернул голову, как будто собирался что-то ей сказать вдогонку. И снова повернулся к конструкции.

— Анна, давайте я сам перезвоню.

— Когда?

Он взял планку.

— Я только это поставлю.

Экран погас.

Она осталась у стены. Мимо шли люди с пакетами. «Понимаете?» Она понимала слишком хорошо — сама просила дать ей закончить, когда ответ был вот-вот. Но Михаил вчера рассказывал про заказы, про жену, про подушки. Сегодня ему было некогда объяснить, что он делает. Ему было некогда есть.

Она набрала врача, потом Ирину. Пересказала, описала конструкцию, насколько смогла. Врач сказала: буду звонить сама.

Отец: «Выехал. Хлеб брать?»

«Только хлеб», — ответила Анна и пошла домой готовить ужин, который он просил не готовить.

* * *

Он пришёл с хлебом и небольшим тортом.

— Это тоже хлеб?

— Более сложный.

Она засмеялась и посторонилась. На кухне щёлкнул таймер.

— Разувайся. Я сейчас.

В квартире пахло запечённой рыбой и горячим маслом. Окно над плитой запотело по нижнему краю; в тёмном дворе кто-то долго парковался между сугробом и чужой машиной, и белый свет фар ходил по потолку, пока Анна искала прихватку.

Картошка подрумянилась сильнее, чем надо. Она подцепила ломтик пальцами, обожглась, уронила.

— Прихватка рядом, — сказал отец от двери.

— Вижу.

Он не ответил, достал тарелки. Она собралась спросить, зачем он каждый раз говорит очевидное, — и увидела, как он осторожно ставит торт подальше от горячего противня, обеими руками, — и не спросила.

Пусть сначала поест.

Он снял очки, положил у хлебницы. Волосы после шапки торчали над ухом, на переносице краснели две вмятинки. Без очков, на её тесной кухне, он был не тем человеком, которому

она по дороге собиралась изложить проблему и задать три точных вопроса. Он просто приехал к дочери ужинать. Даже торт выбрал.

— Хорошо пахнет.

— А ты пиццу предлагал.

— Я не знал, что меня ждёт.

Она положила ему кусок побольше.

О матери заговорили случайно. Та собиралась менять машину и прислала каждому по нескольку вариантов, попросив с другим не обсуждать.

— Тебе какие? — Андрей развернул телефон.

Анна посмотрела и открыла свою переписку.

— У меня другие. И дороже.

— Значит, ты отвечаешь за мечту.

— А ты?

— Судя по цене — за возвращение к действительности.

Она рассмеялась с набитым ртом и прикрылась салфеткой. Он тоже улыбался. Хорошо, что не отменила: сидела бы сейчас одна, ела из противня и листала записи.

Он ел быстро, как всегда, — привычка, о происхождении которой она не спрашивала. Она ещё разбирала вилкой свой кусок, когда он потянулся за хлебом, заметил её пустой стакан, подлил.

— Вкусно. Ещё есть?

Она пододвинула блюдо.

На подоконнике за его плечом стоял прозрачный футляр с серым образцом. Она поставила его туда специально, под лампу. Ждала, когда отец сам заметит. «Уже получилось?» — и объяснить, сколько ночей за этим невзрачным куском. Вчера она почти придумала весь разговор.

Отец смотрел не на подоконник.

Он смотрел мимо неё — в комнату, где дверь была открыта, потому что она всегда была открыта, и где на тумбочке у кровати, рядом с книгой, стояла белая коробочка. На ней ровно, раз в две секунды, мигал жёлтый огонёк. Ожидание сервера. Она видела этот огонёк каждый вечер и перестала его замечать.

Отец не перестал.

— Это ты хотела показать? — спросил он.

Голос был обычный. Спокойный. Так спрашивают про книгу на полке.

Анна не сразу поняла, о чём он. Потом поняла.

— Нет.

Он кивнул. Положил вилку.

— Это тот прибор?

— Да.

— У тебя.

— Да.

Он помолчал. Она ждала «давно?» и приготовила «шесть недель» — честно, цифрой. Он не спросил «давно». Он спросил:

— Он включён?

— Сервер остановлен. Он просто ждёт. Ничего не делает.

— Но включён.

— Пап.

Он снова взял вилку. Положил. Это было хуже, чем если бы он встал.

* * *

Она рассказала. Про Михаила и деталь из двух дуг. Про калибровку и цепочку, про то, как результат одного спящего уходит заданием другому. Нарисовала в блокноте три стрелки. Про программу говорить было легко — здесь она знала, что видела и где кончаются её сведения, — и он слушал как слушал всегда, когда она говорила о работе: наклонившись, в очках, с одним вопросом в нужном месте. Она поймала себя на том, что ей это по-прежнему приятно. И что она пользуется этим, чтобы оттянуть.

— Новые сеансы остановили, — сказала она. — Разработчики разбираются.

Он провёл пальцем вдоль стрелок, не касаясь экрана.

— У нас система тоже начала делать то, чего ей не поручали. Сегодня перестала. Проверки проходит.

— Исправили?

— Нет. Ничего не меняли.

Анна опустила вилку.

— Думаешь, связано?

— Думаю, надо посмотреть, кто делал ваши компоненты. Сравнить с нашими.

Она записала. Дело на завтра. Понятное.

— В этой цепочке, — сказал он, не поднимая глаз от блокнота. — Третий кто?

Вот оно.

Она могла сказать «ещё один участник». Это даже не было бы ложью — она и была ещё один участник.

— Я.

Он поднял глаза.

— Три часа шесть минут. Три минуты я что-то делала, и это ушло дальше. Я не знаю что.

Он снял очки. Положил рядом с тарелкой, дужками вверх: наденет, но не сейчас.

— Шесть недель, — сказала Анна, потому что молчать было нельзя. — У нас сотрудники участвуют на общих основаниях. С обследованием, с врачом, со всеми…

— Сегодня не подключайся.

— Сервер остановлен, пап. Я же сказала.

— Я понял, что сервер. Я про тебя.

— А я про себя.

Слишком резко. Он ещё не сказал ничего такого, чего она сама не сказала бы Михаилу три часа назад. Но от Михаила она была по ту сторону экрана.

Он посмотрел в комнату — на жёлтый огонёк — и встал. Она тоже привстала.

— Не надо.

Он остановился.

— Я тарелки уберу.

Взял блюдо, пошёл к раковине. Анна села. Щёки горели: она успела представить, как он идёт в комнату и выдёргивает вилку из розетки, — и успела обидеться за то, чего он не сделал.

Зашумела вода.

— Шесть недель, — сказал он в раковину. — Ты за шесть недель могла один раз сказать мне прямо.

— Я рассказывала про сотрудников.

— Про себя ты не рассказывала.

Она помнила тот разговор. Он ехал, связь рвалась, потом перезвонил спросить, что купить. Она могла сказать: пап, я тоже сплю с прибором. Вместо этого стала объяснять, чем

отличаются помидоры в двух одинаковых упаковках, и ей было смешно, что серьёзный человек стоит в магазине и не может выбрать.

Теперь этот маленький манёвр выглядел иначе.

— Ты был занят.

Он обернулся. По его лицу она поняла, как это прозвучало, раньше, чем он ответил.

— Я бы нашёл время.

— Знаю.

— Ты у них кто? — Это вырвалось. Она видела, что вырвалось. — Сотрудник? Или материал?

Тишина. Вода шумела.

— Так, — сказала Анна. — Так. Ты сейчас меня не спрашиваешь. Ты меня проверяешь. Как своих дронов. «Зачем ты вернула троих на участок».

Он выключил воду.

Она не хотела этого говорить. То есть хотела — две секунды — и сказала, и теперь это стояло между ними, на мокром столе, рядом с его очками.

— Прости, — сказала она.

— Нет. — Он вытер руки. — Ты права. Я проверяю.

Он сел напротив. Не надел очки.

— Ты сама что-нибудь заметила?

Две секунды.

Светлая поверхность с пазами. Палец, который нажал раньше головы. «Своё». Ирина уже знала. Можно было сказать: «Да. Сегодня утром». Он придвинулся бы ближе, спросил подробности, и, может быть, стало бы легче.

А может быть — она больше не увидела бы в его лице того внимания, с которым он только что слушал про программу. Он смотрел бы на неё так, как она сама смотрела сегодня на Михаила через экран: всё ещё узнавая, но уже выискивая, что изменилось.

— Сны стали ярче, — сказала она. — Я записывала.

Правда. Не вся.

— Покажешь?

— Пап, там личное тоже.

Он провёл рукой по волосам.

— Всё не надо. Только что беспокоит.

— Я пока сама не понимаю, что меня должно беспокоить.

Она хотела сказать это уверенно, с раздражением. Услышала растерянность. И от собственного голоса стало страшнее, чем от его вопроса.

Он придвинул стул ближе. Стул скрипнул по линолеуму.

— Тогда просто расскажи. Как есть. Я послушаю.

Она смотрела на него и не могла начать. Хотелось, чтобы он обнял её и сказал: ничего страшного. Но стоило это представить — и было ясно: она первой спросит, откуда он знает.

— Я позвала тебя, потому что ты умеешь в таком разбираться. Мне нужна помощь. — Она обломила корочку хлеба, крошки посыпались на блокнот, она собирала их пальцем слишком тщательно. — Только не забирай у меня всю работу сразу.

— Я не работу хочу забрать.

— Знаю.

За стеной заскрежетал стул, кто-то засмеялся. В соседней квартире тоже ужинали. Говорили, наверное, не выбирая слов.

— А ты бы свою программу бросил? — спросила она. — Если бы она делала с тобой что-то, чего ты не понимаешь?

Он отвёл взгляд. Она знала это выражение: ответ есть, произносить не хочется.

— Я бы захотел понять, — сказал он.

— Вот.

— Но я бы не лёг с ней спать.

Она не нашлась. Он тоже, кажется, не ожидал, что скажет это.

— Сегодня никого не подключаем, — сказал он тише.

— Сегодня — никого.

Про картинку она так и не сказала.

* * *

Пока грелся чайник, он доел рыбу — холодную, не заметил. Анна разрезала торт, положила ему большой кусок, себе меньше.

— Ты мне весь решила скормить?

— Ты же его выбрал.

— Я не один есть собирался.

Она отрезала себе ещё. Разговор не кончился — оба просто устали от него, и она с облегчением взялась за чашки.

Он заметил футляр на подоконнике. Наконец.

— Это ты хотела показать?

Она кивнула. Он взял, поднёс к лампе. Серый кусочек, невзрачный. Она вчера трижды перекладывала его, выбирая сторону поэффектнее.

— Уже сделали?

— Первую пробу. В лаборатории материалов. Мы помогали с расчётами.

— И ты?

— И я.

Он повертел футляр.

— А с виду обычный.

— Я тоже сначала расстроилась.

— Надо было попросить, чтобы светился.

— Передам коллегам.

Он очень аккуратно поставил образец между чашками. И она вдруг рассказала — не про свойства, не цифры, а как не решалась открыть письмо из соседней лаборатории и сначала посмотрела подпись, будто от подписи зависел результат. Он слушал, улыбался. Когда она сама засмеялась, стало легче дышать.

К блокноту вернулись за чаем. Он предложил два вопроса про происхождение компонентов; она записала.

— Файлы тебе пока не пересылаю.

— Правильно.

Он отдал ей блокнот, хотя обычно оставлял перед собой — ещё что-то вспоминал, дописывал стрелку. Она заметила. Говорить об этом было бы неловко.

Под вопросами она написала: «До объяснения связи между сеансами новые подключения не начинать».

Он прочёл. Ничего не добавил.

Она задержала ручку над точкой. Днём у неё уже было готово исключение — собственный сеанс для сравнения. Под наблюдением. Данные сами не появятся.

Она закрыла блокнот раньше, чем мысль дошла до конца.

Телефон у чашки завибрировал.

Ирина: «Разработчики повторили у себя. Дополнительных серий нет. Просят закрыть отклонение как невоспроизводимое. Утром обсудим».

Она прочла дважды. Вчера обрадовалась бы: нашли, можно работать. Но ничего не нашли. Была чужая проверка, во время которой ничего не случилось. Как у отца.

— Что там?

— У них тоже всё нормально.

Он потянулся к очкам и не взял.

— И что ты ответишь?

«Давайте пока не закрывать. Михаил сегодня отложил осмотр и весь день собирает продолжение рисунка. Говорит, чувствует себя хорошо. Врач не дозвонилась. Утром расскажу».

Перечитала. Из этих строк мог получиться обычный увлечённый человек, которому не дают закончить. Могло оказаться, что так оно и есть.

Только его «я поставлю деталь и перезвоню» она слышала три часа назад.

Отправила. Открыла чат с Михаилом. Вчера: «Жена говорит, себе оставить». Сегодня жена звала обедать, а он просил не мешать.

«Вы закончили? Напишите, пожалуйста, как сможете».

Отец придвинул ей чай.

— Остынет.

Она обхватила чашку.

— Тебе завтра рано?

Он посмотрел на часы, потом на неё.

— Ещё посижу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.